

На выход!

Комм. правда. - 1990. - 11 сел

Оказывается, в тюрьме можно не только сидеть, но и играть спектакли.

— Я не распределял роли, — сказал тот, кто тюремными вечерами, не слишком вдохновляющими на творчество, написал сценарий для этого спектакля. — Они сами выбрали свои роли.

Но велик ли был выбор? Либо ты заключенный, либо охранник.

— Я не навязывал им сюжета, — сказал тот, кто придумал, а потом, обходя инстанции и благотворителей, «вытащил» этот необычный театр. — Они сами определили тему, которую решили разыгрывать.

Но велик ли был выбор? «Колымские рассказы» Варлама Шаламова — главная театральная идея — они или о тех, кому в лагерях не удалось выжить, или о тех, кому посчастливилось там не умереть.

— Я не искал актеров, — сказал тот, под чьим неуспешным руководством живет зона и кто дал добро на эту рискованную затею. — Они нашли их сами.

Но велик ли был выбор? 1800 заключенных одной из ленинградских колоний общего режима.

— Я не заставлял их совершать преступления, — сказал тот, кому театр в тюрьме до сих пор кажется блажью и кошмаром и кто даже после премьеры не хочет мириться с его существованием. — Каждый из них сам выбрал свою жизнь.

Но велик ли был выбор? Эти люди никогда не были по-настоящему свободными...

Каждый из нас сам выбирает свою роль.

Не торопитесь возмущаться. Я не романтизирую и не оправдываю этих людей. Они — преступники: так определил суд. Они встали на несправедный путь: такой приговор вынесла им человеческая мораль. Они — не с нами. А значит, кажутся не такими, как мы.

Не хочу напоминать старое народное: от тюрьмы да от сумы... Я о другом. Как бы там ни было, эти люди уже здесь, в зоне. Но когда-нибудь они возвратятся к нам. Какими? Вернуться к нормальной жизни после того, что увидел и узнал «там», уже практически невозможно. Только раньше политика «выталкивания» была сознательной — с помощью заключенных колонизировали новые земли. А сейчас остается таковой по инерции. Но остается! И если мы говорим «их там надо держать, как собак», то сегодня удивляемся, что и возвращаются они откуда уже не похожими на обычных людей.

Наверное, театр не панацея. Тем более что легендам о благородном перевоспитании взрослых дядь давно никто не верит. Но, может быть, его присутствие поможет этим людям если и не подняться,

то хотя бы не опуститься. Сохранить в них что-то...

Назвать тюремный театр изощренным изобретением сегодняшнего дня не возьмется никто. Они — были. И в голодные 20-е, когда премьеры вывозили «на волю» — играли в Домах культуры. И в сталинские 30—50-е, когда актерским составам спектаклей могли позавидовать столичные сцены.

Потом остались пустые клубы, оживающие время от времени лишь от коммерческого кино. Потом было принято решение о переводе колоний на хозрасчет, в связи с чем культурная работа была урезана до нуля.

И стало тихо — в клубе.

Может быть, называть это творчеством и рискованно. Но и сегодня в любой тюрьме найдутся два-три умельца, которые выточат удивительные по оригинальности шахматы, причудливый подсвечник. Есть здесь и свои художники. Говорю об этом не для того, чтобы умилить почтенную публику. Просто хочу еще раз подчеркнуть: они тоже не хотят превращаться в монстров. Они очень похожи на тех, кто по другую сторону колючей проволоки. А значит, и у них, и у нас еще есть шанс посмотреть друг другу в глаза.

В учреждении 20/6, о котором идет речь, сначала запустили даже не саму идею, а только тоненькую книжеч-

ку с рассказами Шаламова. Чуть позже заговорили и о том, можно ли все это сыграть на сцене. Думали больше месяца. И нашлись семеро, которые сказали: а почему бы и нет!

Честно говоря, я ожидала, что будет все это — как бы сказать — натуралистичнее, что ли. Ведь почти себя играли! Правда, уголовный заключенный — политического. Правда, другие времена. Но параллели прозрачны!

Однако самостоятельный театр был обычным самодеятельным театром. Волновались актеры, суетился режиссер, подбадривали из зала зрители. И только гвоздики, врученные дебютантам после спектакля, выглядели на фоне черных фуфаяк вызывающе красивыми.

Говорят, главный «пахан», заинтересовавшийся с пристрастием, за что новоявленные актеры собираются со сцены агитировать, лично дал разрешение: театру быть.

— Вот-вот, — тут же сказал, узнав об этом, один из особо бдительных чиновников. — Теперь будем поощрять капризы «блатарей». А они там с жиру бесятся...

— Мы на свою жизнь жаловаться не собирались, — объяснял автор сценария и исполнитель главной роли осужденный Евгений Долин. — Но мы хотели, чтобы все увидели: наши сегодняшние беды не из сегодняш-

него дня. Люди другие, время другое. А проблемы те же.

Полтинник в день на питание. Отсутствие медикаментов. («Черт с ними — с лекарствами, все равно разворуют. Вы бы боры помогли достать. Ведь нам же зубы не лечат — только рвут!»).

Я не за райскую жизнь в тюрьме — за человеческую. Представители Красного Креста, комиссии по правам человека Ленсовета, спонсоры, приехавшие на премьеру, обещали: попробуем помочь.

А из зала доносились угрюмое: «Раньше-то вы где были?»

Это очень трудно: переступить через неприязнь. Через жесткую грань, отделяющую «мы» от «они». Но делать это надо. Даже не для их — для собственного же блага.

— Чехов говорил, что нужно выдавливать из себя по капле раба, — говорит А. Александров, режиссер-документалист. Он автор фильмов о людях зоны, причастный к созданию этого театра. — А я думаю, что мы станем свободными, если сумеем выгнать из себя рабовладельца.

Сегодня он бьется за создание фонда помощи осужденным. Ищет союзников. Ездит по колониям (готовится премьера уже и на Колыме).

Быть может, найдутся люди, которые ему в этом помогут?

И. ПОТЕХИНА.
(Наш корр.).